

"Материалы для Шексны"

(Неосуществленный замысел одной из глав поэмы "Кому на Руси жить хорошо")

Дважды в своей жизни, в 1866 и 1872 гг., Некрасов выезжал охотиться на Шексню. В переписке поэта сохранились лишь фрагментарные упоминания об этих охотах, подробно исследованные А. Ф. Тарасовым.¹ В обоих случаях охоты на Шексне были весьма удачными. Охотники отправлялись вверх по реке из имения помещика В. Н. Башилова, которое находилось на берегу Шексны в 30 верстах выше Рыбинска (для этой цели Башиловым был приобретен пароход), и заплывали, вероятно, очень далеко: в одном из писем Некрасов упоминает об этой охоте как о "поездке в другую губернию" (т. е. в Череповецкий уезд Новгородской губернии) (Н I, 11, 76).

Летом и осенью 1872 г. под впечатлением шекснинской охоты у Некрасова оформился замысел новой главы поэмы "Кому на Руси жить хорошо". Об этом замысле главы о чиновнике (под условным наименованием "Смертушка") читатели узнали еще в 1879 г.: в т. 4 собрания сочинений поэта С. И. Пономарев поместил несколько стихотворных и прозаических фрагментов, указав в объяснении, что "по смерти поэта в его бумагах найден был план еще одной задуманной им части поэмы", действие которой "происходит на Шексне в самый разгар сибирской язвы" (Н II, 5, 684). Подготовительные материалы для этой главы были обобщены К. И. Чуковским² и - в более полном виде - Т. А. Бесединой (см.: Н II, 5, 593--597, 683--686).

Среди этих материалов любопытна следующая карандашная запись Некрасова (приводим вариант прочтения, предложенный Т. А. Бесединой):

"Подготовка для сибир<ской> язвы - голод, тогда и на людях; в В. уезде до 400 чел. Ниловцы - и в Белозерск бурлаки приходят на заработки; работы нет, <нрзб> теперь, застой судов. Ждут, мрут массаами, подождав, отправляются > с тифом в Арх<ангельскую> губ<ернию> обратно. Идут больных целые партии изнур<ительно?> далеко <нрзб>, верст 400.

Весной тиф от недост<атка> пищи, лихорадки при разлитии вод.

Без лекарства, для принятия мер против распр<остранения>, отделение больных. <Нрзб>. Зарывание трупов.

На барках 3--4 креста - покойники, везут до 1-го погоста.

(Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде.)

От укушения насекомых.

15 лошадей тянут барку" (Н II, 5, 595--596).

Запись эта во многом загадочна. А. Ф. Тарасов дал вариант комментария лишь к фразе, заключенной в скобки, - речь идет о филантропической деятельности А. Л. и О. А. Вельяшевых, которые устроили в 1868 г. в г. Пинеге Архангельской губернии даровые обеды, мастерские, лечебницу и школу для крестьян, пострадавших от голода. Этот же комментарий повторен и в академическом собрании сочинений (см.: Н II, 5, 685--686). Между тем фраза о Вельяшевых, взятая в скобки, является у Некрасова лишь неким "дополнением" к какому-то другому, более страшному и впечатляющему сюжету. Попробуем дать представление об этом сюжете, пользуясь географическими реалиями, приведенными в записи Некрасова.

Ниловцы. Это богатое торговое село на берегу Шексны (ныне находится в зоне затопления Череповецкого водохранилища) располагалось в 100 верстах выше Череповца, неподалеку от водораздела и канала Александра Вюртембергского (выше села Топорня), соединявшего бассейны северных и южных рек. В 1860--1870-е гг. благодаря местоположению оно стало одним из опорных пунктов Мариинской водной системы и одним из центров северного бурлачества.

Бурлачество на Шексне, мелководной, сравнительно быстрой и порожистой реке, в значительной степени отличалось от бурлачества на Волге. Провоз грузов вверх по реке (от Рыбинска до канала) требовал гораздо более значительных людских ресурсов. Летом 1866 г. выдающийся русский художник, уроженец Череповца, В. В. Верещагин, живя в селе Любец на берегу Шексны, работал над картиной "Бурлаки" (за несколько лет до репинских "Бурлаков на Волге"). Работа эта не была завершена (осталось лишь несколько этюдов и эскизов), но на характерное отличие своей картины от репинской позже указал сам Верещагин: "В моих "Бурлаках" каждую барку тащило не менее 200--250 человек --целые полки народа, что составляет всю суть дела. И во Франции, и в Германии, и в Египте, и в Испании тащат барки бечевою, но тысячи народа тащат их только у нас в XIX веке".³

К концу 1860-х гг. людская тяга была заменена конной (ср. в записи Некрасова: "15 лошадей тянут барку"), - это в свою очередь повлекло за собой частые эпидемии сибирской язвы, явившиеся настоящим бедствием для селений, расположенных в пришекснинской низменности. Череповецкий врач П. И. Грязнов (впоследствии доктор медицины), автор одной из первых русских монографий о медико-гигиенических условиях крестьянского быта, созданной на материалах исследований жизни крестьян Череповецкого уезда, приводит в связи с этим следующие факты: "Сибирская язва<...> в уезде проявляется эндемически, обуславливаясь болотными миазмами, скоплением лошадей на бичевниках Шексны и Мологи при конной тяге судов, особенно на местах мелей и порогов. <...> По данным комиссии, учрежденной к изысканию мер против развития сибирской язвы на Шексне в 1868 г., в 1867 г. в Череповецком и Кирилловском уездах пало до 5400 лошадей (поровну), а в 1868 г. в первом 1500, а во втором 2000. <...> Комиссия признала, что "источник сибирской язвы заключается в болотных испарениях и что без уничтожения болот совершенное уничтожение этой болезни навсегда останется неразрешенной загадкой". Тут же приводятся факты смертности людей от сибирской язвы - случаи, которые врачу неоднократно приходилось наблюдать.⁴

Самым угрожаемым в отношении сибирской язвы оказался как раз район Ниловецких болот, расположенных в Череповецком и Кирилловском уездах Новгородской губернии и занимающих огромное пространство - 960 квадратных верст. П. И. Грязнов пишет: "Расположенные в низменностях с плохими стоками, засоренными валежником, болота эти застаиваются, загнивают и производят массу миазмов, делающих эту местность главным гнездом сибирской язвы и эпидемий, тем более что здесь на Шексне существуют мели и пороги, почему для прохода судов, здесь скопляется масса лошадей и людей, дающих пищу этим заразам".⁵ Ср. "застой судов" в записи Некрасова.

В письме к А. Н. Еракову (который был вместе с Некрасовым на шекснинской охоте в 1872 г.) от 25 июня 1873 г. поэт просил его прислать, "материалы для Шексны" (Н I, 11, 261). С большой долей вероятности мы можем предположить, что запрашиваемые Некрасовым "материалы" ~ это как раз "Занятия особой комиссии, учрежденной в 1868 г. при Министерстве внутренних дел об улучшении Мариинской системы в санитарно-гигиеническом отношении", изданные для служебного пользования в небольшом количестве экземпляров. В пользу этого предположения говорит тот факт, что Ераков, бывший крупным чиновником Министерства путей, сообщения, имел к этим материалам доступ. Вряд ли это могли быть, какие-то "материалы о голоде" (на которые указывает А. Ф. Тарасов),⁶ - получить их Еракову было бы значительно труднее.

Таким образом, "Ниловцы" в записи Некрасова --- это не просто указание "переходного" населенного пункта: Ниловцы и Ниловецкие болота, оказываются основным местом действия главы "Смертушка", своеобразным эпицентром той трагедии, которая стала материалом поэтического описания. Сохранившиеся фрагменты некрасовского замысла указывают на многочисленные "пришекснинские" реалии: смерть Саврасого от эпидемии и похороны его в лесу; трупы лошадей, плывущие по реке, и обезумевшие люди, бродящие по бичевнику; особенные "сердитые" комары ("до смерти заедят") - принадлежность северных болот; "разлитие вод", делающее болота непроходимыми, болотные испарения, вызывающие тиф и лихорадку, и т. д. (Н II, 5, 593--596). Намеченные Некрасовым "действующие лица" главы - "семь мужиков, сторож, ветеринарный врач, на пикете - офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, и, наконец, исправник" (там же, 597) - также характерны: подобное "скопление" чиновников разных ведомств возможно было лишь в

центрах очагов эпидемий, наиболее известным из которых были как раз Ниловцы. Даже указание на то, что действие происходит в бездорожном месте (в одном из отрывков описывается встреча крестьян с офицером путей сообщения, потерявшим "дорогу на Шексну", - там же, 596), более всего соответствует Ниловецким болотам.

Сам Некрасов вряд ли побывал в Ниловцах во время охот: слишком далеко вверх по Шексне селение находилось. Но тем значительнее это упоминание: географически Ниловцы действительно входили в маршрут, которым крестьяне шли на заработки и который описан Некрасовым в приведенной выше заметке.

В. уезд. Если исходить из содержания записи, уезд этот должен находиться в Архангельской губернии, - однако там уезда, название которого начиналось бы на "В", не было. Географически не подходят и соответствующие уезды близлежащих губерний - Вологодской (Вологодский, Великоустюгский, Вельский уезды), Новгородской (Валдайский), Олонецкой (Вытегорский), Костромской (Варнавинский, Ветлужский). Наиболее вероятным оказывается расположенный в бассейне реки Шексны, Весьегонский уезд Тверской губернии, граничивший с землями Ярославской и Новгородской губерний. Путь голодных крестьян шел именно из Весьегонского уезда через Ниловцы в Белозерск.

Географические реалии записи Некрасова позволяют иначе взглянуть на попытки некоторых исследователей представить себе маршрут семи, странников-правдоискателей. Эти попытки казались достаточно наивными, ибо трудно найти какие-либо географические соответствия Заплатову, Дырявину, Разутову, Знобишину, селу Кузьминскому, деревне Большие Вахлаки и т. д. Но когда в "Крестьянке", работа над которой непосредственно предшествовала замыслу "Смертушки", появляется "Корежина", то это уже конкретная местность на северо-западе Костромской губернии.⁷ Затем семь странников должны были оказаться не просто на большой судоходной реке, но именно на Шексне. Путь их, как видим, "географически" очень продуман: из Корежской волости Буйского уезда, через Пошехонье, в Весьегонский уезд и оттуда на Шексну, вверх по реке, к старому Петербургскому тракту, пересекавшемуся с "чугункой басурманской" (согласно одной из записей Некрасова, крестьяне явились свидетелями "катастрофы на железной дороге" - Н II, 5, 598); наконец, странники-правдоискатели оказываются "в далеком Питере" (там же, 569). В Корежине они находятся в конце лета--начале осени, на Шексне - в середине осени, в Петербург приходят "зимой". Движение их, следовательно, оказывается мотивированным не только географически, но и хронологически.

Таким образом, замысел поэмы "Кому на Руси жить хорошо" нес в себе черты трансформации ее первоначальной, свободной от "географии", подосновы. Начавшись в условно-сказочном духе ("в какой земле - угадывай"), поэма постепенно обрастала бытовыми и географическими реалиями крестьянской России. При этом оказывалось, что "Корежина" и "Вахлачина" - различные понятия, что бурлачество на Шексне и на Волге несхожи и во внешнем проявлении, и по внутреннему существу. Поэма обогащалась конкретно-топографическими деталями, характерными для разных местностей России. Дальнейшее развитие сюжета "Кому на Руси жить хорошо" (по крайней мере на том этапе его разработки, на котором писалась глава "Смертушка") явно мыслилось Некрасовым о учетом этого "географического" плана.

Примечания

¹ См.: *Тарасов А. Ф.* Некрасов в Карабихе. 2-е изд., доп. Ярославль, 1982. С. 130--136.

² См.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 3. С. 412--414, 569--570, 646-650.

³ Цит. по: *Лебедев А. К.* В. В. Верещагин. М., 1968. С. 13.

⁴ *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 203--204.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ См.: *Тарасов А. Ф.* Некрасов в Карабихе. С. 133.

⁷ Об особой роли костромской топографии в поэме см.: *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы // Истоки великой поэмы. Ярославль. 1962. С. 33--40.